

## Вымышленные языки и языковые универсалии

Шувалова О.Н.

Конструирование вымышленных языков (ВЯ) в настоящее время выступает в нескольких формах:

- 1) игровая и экспериментальная деятельность энтузиастов лингвоконструирования (конлангеров) в Интернете (подробно см. [Сидорова, Шувалова 2006] [Шувалова 2006]);
- 2) создание фантастических языков для произведений литературы, кинематографа и компьютерных игр;
- 3) в некоторых университетах - материал для теоретического изучения и вид практической деятельности студентов-лингвистов.

В наших работах [Шувалова 2005] [Шувалова 2009] обоснована значимость ВЯ как объекта научного исследования и рассмотрен ряд аспектов, в которых они представляют интерес для лингвиста – ученого и преподавателя. Данная статья посвящена обсуждению вопроса: являются ли проекты ВЯ, разрабатываемые «наивными» и профессиональными лингвистами и представляемые ими в Интернете, подтверждением так называемых *языковых универсалий* или, напротив, внешняя и внутренняя лингвистика ВЯ, возникающих по воле одного человека и ограниченных только его фантазией, заставляют усомниться в их существовании?

Дадим ответ сразу. Обширный материал, проанализированный нами, свидетельствует: вымышленные языки, с одной стороны, являются проявлением языковых универсалий, сформулированных для естественных языков, с другой – преодолением некоторых из них. Неограниченные универсалии (типа «Во всех языках есть согласные») реализуются в ВЯ, в то время как универсалии имплицативные («Если в языке есть свойство X, то в нем должно быть и свойство Y») с легкостью нарушаются.

Поскольку невозможно проанализировать отношение ВЯ ко всем утверждениям, постулируемым в лингвистике в качестве универсалий<sup>1</sup>, рассмотрим лишь несколько важнейших универсалий, по работам Ч.Ф. Хоккета [Хоккет 1998] и Дж. Гринберга [Гринберг 1970].

---

<sup>1</sup> Постоянно пополняющаяся база данных по языковым универсалиям университета г. Констанц (Германия) (<http://www.ling.uni-konstanz.de/pages/proj/sprachbau.htm>) в начале 2000 г. насчитывала около 1600 утверждений, касающихся разных уровней языка, претендующих на статус универсалий.

ВЯ служат прекрасной иллюстрацией к первой языковой универсалии, сформулированной Ч.Ф. Хоккетом: «Любое человеческое общество имеет язык» (если понимать эту универсалию шире – «Любое общество разумных существ...»). Нельзя сконструировать «немой» вымышленный мир. Более того, на практике зачастую вымышленные миры вырастают именно вокруг языка. Именно так в свое время случилось и со Вселенной великого Толкина, который писал в 1958 г. сыну Кристоферу: Nobody believes me when I say that my long book [The Lord of the Rings – О.Ш.] is an attempt to create a world in which a form of language agreeable to my personal aesthetic might seem real. But it is true. An enquirer (among many) asked what the L.R. was all about, and whether it was an allegory. And I said it was an effort to create a situation in which a common greeting would be elen si-'la lu-'menn omentielmo ['A star shines on the hour of our meeting'], and that the phrase long antedated the book». Так продолжает происходить и сейчас.

Вторая универсалия Хоккета: «Ни один <биологический> вид, кроме человека, не имеет языка», - преломляется в проектах фантастических конлангов весьма интересным образом. С одной стороны, многочисленны попытки изобретения языков для негуманоидных вымышленных рас, с другой – изобретателям очень редко удается учесть негуманоидное строение существ, для которых придумывается язык, в самой структуре языка.. Над ними довлеет антропоцентризм естественных языков. Так, большинство создателей ВЯ априорно принимают, что речевой аппарат народов – носителей этих языков устроен по образу и подобию речевого аппарата людей и приспособлен к произнесению примерно тех же звуков и их восприятию. Более того, если сравнить звуковые системы фантастических языков с возможностями, реализованными в различных языках Земли, мы видим, что конлангеры, как правило, используют лишь малую долю этих возможностей. Они берут за основу распространенные в национальных языках звуки, указывая лишь на некоторые особенности их произношения.

В то же время *наличие у любого языка вокально-слухового канала* оказывается весьма важной универсалией для ВЯ. Создатели конлангов, выложенных в Интернете, прекрасно понимают, что никто и никогда не будет говорить на их языках-моделях, и тем не менее тщательно разрабатывают звуковой уровень, потому что без этого язык не будет языком.

Далее Хоккет утверждает: «У любого человеческого языка есть традиция». Вымышленный язык (если проект реализован, а не заброшен автором на полпути) имеет традицию двух типов: внешнюю (историю его создания и взаимоотношений с другими

языками этого конлангера, поскольку многие разрабатывают не один, а несколько ВЯ) и внутреннюю (вымышленную традицию в вымышленном мире).

Как правило, приступая к созданию вымышленного языка, автор не задумывается о его истории. Он конструирует на синхронном уровне алфавит и фонетическую систему, грамматику и семантику. Если проект переходит к более разработанной стадии, то возникает вопрос не только о развитии языка «вперед» - о добавлении новых слов, совершенствовании фонетики, графики, семантики и грамматики, но и об истории языка. Автор задумывается, какими могли быть предшествующие стадии развития языковой системы, созданной им как бы «на пустом месте», причем все ВЯ предстают перед нами уже на высокой стадии своего развития. Ни один конлангер не занимается моделированием самого начального этапа своего языка.

Тем более важна оказывается диахроническая перспектива, если вымышленный народ, использующий язык, и мир, населенный этим народом, обретают свою историю. Соответственно, в описание ВЯ вводятся элементы диахронии, того, что мы назвали бы «исторической фонетикой, грамматикой, лексикологией» или «историей литературного языка». Есть ряд типичных элементов истории языка, которые часто используются конлангерами, например, противопоставление современного ВЯ его состоянию «архаической эпохи» или противопоставление живого ВЯ языку «священных книг», например: «Фонетика алиярского языка звездной эпохи отличается упрощенной системой фонем по сравнению с архаическим языком священных книг. Кроме того, для гласных языка звездной эпохи характерен переход количественных характеристик в качественные. Произношение, различающее долготу и краткость культивируется только в среде священнослужителей и используется при чтении молитв и священных текстов... Согласные в архаическом языке делились на сильные и слабые (последние обозначаются в традиционном письме подстрочной точкой). Такое разделение строго проводится в каноническом тексте Сареджа, но в языке звездной эпохи оно сохранилось только для "j", "l", "c/h", "jj/dz(z)" и "v/w"» (<http://espada.org.ru/lingva/ali.php>).

Первое место по глубине разработки диахронной проблематики занимают, конечно, исследования языков Толкина. В фундаментальном пятитомнике «Словарь эльфийских языков» Э. Ж. Клоцко привел следующую версию развития языка квенья, послужившую для толкинистов источником дебатов и стимулом к дальнейшим лингвистическим изысканиям:

1. Протоэльфийский и общеэльдарский: 1133-1179 й. (йеен =144 солнечных года). Характерные фонетические изменения: *b* переходит в *v*.

2. Староквэнийский:

1179-1250 й. - Румил создает письменность (сарати).

1200 й. - При дворе короля Ингвэ возникает «ваниаризованная» (от названия эльфийского племени ваниар) форма квэнья - Ингвэа, или Ингвиквэнья.

1200-1250 й. - Расхождение нолдорского (племя нолдор) и ваниарского диалектов. Ответвляются языки линдар и телери.

3. Новоквэнийский: язык эльфийского племени Нолдор в Валиноре.

Феанор создает письменность (тенгвар).

Характерные фонетические изменения: *th* переходит в *s*.

3. Квэнья изгнанников - с 1496 й. Используется мигрировавшим племенем нолдор.

4. Книжный квэнья. Используется дуунэдайними в исторических и научных работах.

5. Поздний квэнья. Эпоха правления короля Элессара.

Уже в самой терминологии проявляется следование модели построения истории естественных языков: использование сложных прилагательных с корнями *proto-*, *обще-*, *ново-*; терминов, характеризующих язык с темпоральной точки зрения (*поздний*) и с точки зрения противопоставления «книжности/разговорности» (*книжный*). Следование традиции проявляется и в том, какие важные этапы развития языка считает нужным выделить автор и с какими событиями истории народа эти этапы связываются (правление того или иного короля, миграция, расхождение племен).

Обратимся далее к универсалиям, связанным с системой языка. В любом ВЯ, как и в естественном, существует грамматическая система и она является иерархической. Каждая грамматическая система ВЯ более или менее четко подразделяется на морфологию и синтаксис. Она обязательно включает дейктические элементы, в том числе обозначение говорящего и слушающего, а также служебные слова (маркеры). Любой ВЯ имеет собственные имена. Во всех ВЯ слова классифицируются по частям речи, отражая тем самым утверждение Хоккета о грамматической неоднородности словаря. Универсальными являются противопоставления «имя» - «глагол» в классах слов и «субъект – предикат» (или «тема – рема») в структуре предложения. Во всех ВЯ различаются одноместные и двухместные предикаты.

Весьма сильно проявляются универсалии на фонологическом уровне. Если Хоккет выражает осторожное сомнение в том, что фонемы «продуктивно» считать

универсалиями, то для ВЯ продуктивность фонемного членения как базового уровня конструирования очевидна. Все ВЯ следуют сформулированным Хоккетом фонологическим универсалиям.

Иная картина возникает при попытке спроецировать на ВЯ имплицативные универсалии Гринберга, в частности в области синтаксиса и морфологии. Прежде всего, ВЯ успешно преодолевают обнаруженные Гринбергом в естественных языках ограничения на сочетание тех или иных грамматических признаков. При составлении таблицы, объединявшей классификацию языков по расположению субъекта-глагола-объекта, препозитивности-постпозитивности и месту качественного прилагательного, Гринбергу пришлось констатировать, что из 12 ячеек таблицы естественными языками заполняются только 7, а 5 остаются пустыми. Конструктор вымышленного языка не стеснен этими ограничениями и вполне может создать язык с набором параметров, не представленным в таблице Гринберга. Какими бы причинами ни объяснялись имплицативные универсалии в естественных языках, у конлангеров нет причин им следовать и придерживаться правил типа «Если у глагола есть категории лица и числа или если у него есть категория рода, то у него обязательно есть категории времени и наклонения» или «Если в языке есть флексия, то в нем всегда есть деривация». Однако в том случае, если универсалия сформулирована в пределах одной грамматической категории и одно из значений этой грамматической категории воспринимается как исходное, такая универсалия сохраняется в ВЯ (например, невозможность в языке тройственного числа, если нет двойственного, и двойственного, если нет множественного).

Отступление от универсалий может быть более или менее сознательным и более или менее радикальным. В книге [Сидорова, Шувалова 2006] подробно проанализирован ВЯ Келен, автор которого С. Сотомайор во время изучения лингвистики в университете задумалась о возможностях конструирования языка, максимально не похожего на человеческий. Для решения этой задачи Сотомайор решила пойти по пути устранения одной из основных языковых универсалий и реализовала проект безглагольного ВЯ.

Что же у нее получилось? Вместо большого открытого класса глаголов в Келене представлен небольшой закрытый грамматический класс частиц – показателей предикативных и смысловых отношений (relationals), в которые вступают именные

группы в предложении. Сочетание подобного показателя и именной группы образует простейшую структуру предложения. Этих частиц четыре<sup>2</sup>.

*LA* - показатель существования именной группы, являющейся субъектом предложения, причем эта частица указывает на существование как таковое или на существование в каком-либо состоянии или пространстве:

- существование:

*la jacēla*

LA bowl(N.sg.)

'There exists a bowl' или 'There is the/a bowl';

- нахождение в состоянии:

*la jacēla janēla*

LA bowl(N.sg.) red(N.sg.)

'There exists a bowl, a red thing' или 'The bowl is red';

- нахождение в пространстве:

*la jacēla sū jatēwa*

LA bowl(N.sg.) on table(N.sg.)

'There exists a bowl on the/a table' или 'The/a bowl is on the/a table'.

С частицей *NI* основная именная группа обозначает нечто, что претерпело изменение состояния (под влиянием какого-либо каузатора или без него) или местоположения (движение):

*ōrra ñi jacēla jahūwa*

completed NI bowl(N.sg.) broken(N.sg.)

'The bowl broke'.

Вторая валентность *ni* может быть занята именем лица или предмета, вызвавшего изменение состояния. Имя каузатора маркируется падежным показателем *ā*. Третья валентность – именем инструмента с падежным показателем *to*:

*ōrra ñamma anāmāesi anmōmi to jacāta*

completed NI+3p.sg.agent ants(N.co.) flat(N.co.) TO shoe(N.sg.)

'She flattened ants with a shoe.'

Частица *SE* при именной группе обозначает, что эта группа называет нечто, имеющее источник и/или цель. Второе, не обязательное к заполнению место при этой частице может быть заполнено именем источника, маркированным либо показателем *ke*

---

<sup>2</sup> Заметим, что значения частиц несколько модифицировались автором от одной редакции келена к другой.

(целелеполагающий источник, одушевленный источник), либо *to* (нецелелеполагающий источник, неодушевленный источник, инструмент), а также именем цели, маркированным показателем *mo* (бенефициант). Например:

*selre anlāsi*

SE+1p.sg.src/2p.sg.goal greetings

'From me to you, greetings', или 'I give you greetings', или 'I greet you';

*anelnirne jamīra*

SE(prog.)+1p.pauc.src/2p.pauc.goal fright

'From us(few) to you(few), a fright', или 'We are giving you a fright', или 'We are frightening you';

*temme jacōña*

SE(past)+3p.sg.src/3p.sg.goal kiss

'From her to him, a kiss', или 'She gave him a kiss', или 'She kissed him'.

Частицы келена (кроме *pa*) имеют формы словоизменения, которые выражают именно те грамматические категории, которые свойственны глаголам в естественных языках. Однако набор этих форм у частиц различный.

Так, *LA* имеет следующие временные, аспектуальные и модальные формы:

*la* – настоящее узувальное и гномическое;

*an* – настоящее актуальное;

*te* – имперфект;

*reha* – будущее определенное, "will be, must be";

*heja* – желательность, вероятность, "should be", "ought to be";

*hie* - гипотетичность, возможность "could be", "might be";

*wa* – отрицательная форма, которая у Сотомайор представлена только в настоящем времени - "is not".

*NI* не изменяется по временам, аспектам и наклонениям. Но когда каузатор изменения одушевленный, тогда эта частица ставится в соответствующей личной форме:

AGEN T	Nul l	1p.s g	1p.ex.p c	1p.ex. pl	1p.in.p c	1p.in. pl	2p.s g	2p.p c	2p.p l	3p.sg	3p.p c	3p.pl
	ñi	ñalla	ñalna	Ñalta	Ñanna	ñanta	ñarr a	ñarn a	ñart a	ñamm a	Ñatt a	ñaxx a

Пример:

*ōrra ñalla jacēla jahūwa*

completed NI+1p.sg.agent bowl(N.sg.) broken(N.sg.)

'I made the bowl break' или 'I broke the bowl'.

Для разных вариантов семантических отношений каузатора и пациенса существуют дополнительные правила изменения *ni*, включая взаимодействие с частицей *se*.

Частица *SE* получает личные формы, если любой из ее актантов одушевленный. Кроме того, *SE*, подобно *LA*, изменяется по временам:

*s(e)* - настоящее узואальное и гномическое;

*an* – настоящее актуальное;

*t(e)* – имперфект;

*reh* – будущее определенное;

*hej* - желательность, вероятность;

*hi(e)* – гипотетичность, возможность;

Вместо отрицательной формы используется частица *wā* в конце предложения:

*temme*                      *jacōña wā*

SE(past)+3p.sg.src/3p.sg.goal kiss (neg.)

'From her to him, a kiss, not', или 'She didn't give him a kiss', или 'She didn't kiss him'.

Частица *pa*, как уже было сказано, не изменяется.

Таким образом, в сочетании с небольшим числом падежных показателей, например, *ke* – для агенса и исходного пункта или каузатора движения, *to* – для конечного пункта или цели и т.п., частицы келена дают возможность устанавливать отношения между именными группами в предложении. Поскольку относительные частицы выражают также время и лицо, их можно, по мнению создательницы языка, рассматривать как связки, что не делает келен более «человеческим». Ведь неизвестно ни одного человеческого языка, где было бы более одной асемантической связки или где существовали бы связки при отсутствии глаголов.

Можно ли признать, что Сотомайор действительно удалось преодолеть одну из языковых универсалий и создать язык без глаголов? И что тогда понимается под *глаголом*, если перечисленные частицы автор ВЯ отказывается причислить к этому классу? С семантической точки зрения, эти единицы являются, хотя и весьма общими, выражениями пропозиций, создают при себе набор актантных позиций. С грамматической точки зрения, они предикативны в полном смысле этого слова: выражают отношения между субъектом (преддицируемым компонентом) и приписываемым ему признаком, а также отношения между говорящим и содержанием предложения в предикативных категориях времени, модальности и лица. Поэтому скорее можно говорить об ином понимании глагольности и особом составе класса глаголов в келене, чем о безглагольности этого ВЯ. Преодолеть языковую универсалию подобного рода не так-то просто, вероятно, даже невозможно.

Итак, и в отношениях с лингвистическими универсалиями, как и в других аспектах, ВЯ оказываются для лингвиста не только объектом, но и инструментом исследования, с помощью которого мы постигаем как сущностные черты языка вообще и отдельных языков, так и характер осознания этих черт человеком. Этим лингвоконструирование отличается от тех обычных «применений языка», общим свойством которых Э. Бенвенист считал «неосознанность языка»: «Одно [общее свойство применений языка – О.Ш.] заключается в том, что сам факт языка при этом остается, как правило, неосознанным; за исключением случая собственно лингвистических исследований, мы очень слабо отдаем себе отчет о действиях, выполняемых нами в процессе говорения» [Бенвенист 1974; 104].

Кроме того, можно предположить, что в лингвоконструировании имеет место иное соотношение между категориями мышления и категориями языка, чем в естественных языках. Размышляя о соотношении языка и мышления, Бенвенист пишет: «Представляется удобным приступить к решению проблемы исходя из «категорий», играющих посредствующую роль между языком и мышлением. Они предстают не в одном и том же виде в зависимости от того, выступают ли они как категории мышления или как категории языка. Само это расхождение уже может пролить свет на сущность и тех и других. Например, мы сразу отмечаем, что мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, не могут быть изменены по произволу говорящего» [там же]. Творцы ВЯ изобретают не просто новые формы для готовых категорий, они могут «свободно уточнять» категории и «вводить новые», поскольку не получают систему языка готовой. Будучи не стесненными готовой системой языка, создатели ВЯ, в большинстве своем, «не стеснены» и строгими правилами современного лингвистического знания, что дает как отрицательные эффекты (например, непоследовательность, нарушения логики, терминологические несоответствия в грамматиках), так и положительные: не зная об имплицативных универсалиях или игнорируя их, конлангеры создают модели языков с необычными сочетаниями категорий, демонстрируя возможность существования языковых систем, нарушающих эти универсалии.

Анализируя ВЯ, мы можем понять, какие свойства языка наилучшим образом осознаются людьми, какие представляются наиболее важными и стабильными, какие вызывают желание творчески их переработать. В лице конлангеров, которые не являются профессиональными лингвистами, специалисты-языковеды имеют возможность изучать в процессе языкового творчества людей, с одной стороны, являющихся «наивными

говорящими», с другой – лингвистами-любителями, приобщившимися к языковедческой теории.

#### Литература

1. [Бенвенист 1974] Бенвенист Э. Общая лингвистика (под ред. Ю.С. Степанова). М., 1974
2. [Гринберг 1970] Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М.: “Прогресс”, 1970
3. [Сидорова, Шувалова 2006] Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., 2006
4. [Хоккет 1998] Хоккет Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание». М., 1998. С. 79-88
5. [Шувалова 2005] Шувалова О.Н. Креативность языковой личности или психическое отклонение? Вымышленные языки вымышленных миров // Пушкинские чтения. СПб, 2005. С. 314 – 316.
6. [Шувалова 2006] Шувалова О.Н. Автореферат диссертации «Вымышленные языки в Интернете» (специальность 10.02.19). МГУ им. М.В.Ломоносова, М., 2006.
7. [Шувалова 2009] Шувалова О.Н. Южно-Российские научные чтения « Слово и текст». Конструирование языков в свете лингвокультурной оппозиции «свой-чужой». Ростов-на-Дону, 2009, с.266-268.